

## НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

### Аннотация

В настоящей статье представлены результаты теоретической части исследования, нацеленного на выявление роли научной дипломатии во внешней политике современных государств. Автором проведен обзор трактовок понятия «научная дипломатия», сформулированы подходы к определению данного понятия, предложена их типология.

**Ключевые слова:** научная дипломатия, международное научное сотрудничество, научная коммуникация, концептуализация понятия, теория международных отношений, парадигмы.

### Автор

#### Хаткевич Александра Анатольевна

Старший лаборант-исследователь  
Национального исследовательского института  
мировой экономики и международных отношений  
имени Е.М. Примакова Российской академии наук  
(Москва, Россия)



### Введение

Современный этап развития международных отношений характеризуется усложнением международного пространства ввиду параллельного протекания в нем разнообразных процессов: интеграции, фрагментации и пр. — что влечет за собой возникновение новых или институциональное оформление ранее существовавших явлений и концептуализацию соответствующих им понятий, одним из которых стала научная дипломатия. Во второй декаде XXI в. внимание исследователей международных отношений к концептуальному осмыслению этого явления было особенно заметным, но работы по этой проблематике продолжают выходить в свет по сей день. Помимо этого, понятие научной дипломатии постепенно включается в политический дискурс современных государств, в том числе для обозначения тех практик, которые ранее не подвергались специальному концептуальному закреплению. Появление в научно-аналитическом и поли-

тическом дискурсе такого рода понятий ставит вопрос о целесообразности для внешней политики государств их концептуализации и закрепления, а также развития явлений, которые обозначают эти понятия. Чтобы получить ответ на этот вопрос в случае с научной дипломатией, необходимыми представляются не только разработка и апробация комплексной модели эмпирического исследования научной дипломатии современных государств и введение в научный оборот результатов, полученных в ходе апробации разработанной модели, но и восполнение теоретических лакун в рамках этой проблематики.

В настоящей статье внимание сфокусировано на динамике развития понятия научной дипломатии. В ходе исследования теоретическому анализу были подвергнуты статьи и монографии зарубежных и российских исследователей, опубликованные в период 2000–2023 гг. Теоретический обзор был проведен на основе проблемного принципа. По результатам изучения интерпретаций понятия «научная дипломатия» была

сформирована типология подходов к определению научной дипломатии.

### **Понятие и характерные черты научной дипломатии**

Одной из первых работ, посвященных научной дипломатии, является книга профессора Департамента политологии Университета Осло Т. Скодвин «Структура и агент в научной дипломатии изменений климата» (2000). Следует отметить, что в названии данной работы используется словосочетание «scientific diplomasy». В дальнейшем авторы начали обозначать научную дипломатию как «science diplomasy», и в этом виде концепт устоялся в англоязычном дискурсе. Т. Скодвин связывает научную дипломатию с процессом интеграции научных политик. Институциональное оформление интеграции научных политик необходимо, по мнению автора, для выполнения функций поддержания способности институционального аппарата сочетать научную автономию и интеграцию научных ведомств, обеспечения определенного уровня вовлеченности научной политики государства в процесс взаимодействия научных политик и самого процесса взаимодействия, обеспечения геополитической представленности ведомств, установления механизмов для решения конфликтов [34].

Поскольку в определении научной дипломатии, сформулированном Т. Скодвин, используется понятие научной политики, следует указать его рабочее определение. Научная политика — «сложный комплекс целей, задач и приоритетов государства в области развития и эффективного использования научного потенциала страны, подкрепленный соответствующим нормативно-правовым обеспечением, а также система государственных и общественных институтов, обеспечивающих их реализацию, и технологии взаимодействия государства и гражд-

данского общества по формированию и реализации указанных целей и приоритетов» [9, с. 35].

Распространение в научном и политическом дискурсе получила позиция, согласно которой научная дипломатия является частью публичной дипломатии. Обоснованием этого выступает в первую очередь утверждение теоретика «мягкой силы» Дж. Ная, что одним из измерений публичной дипломатии, инструмента реализации государствами их «мягкой силы», является развитие длительных отношений с ключевыми индивидуальными игроками, в том числе из академической и научной среды [29]. Пространство науки, как и пространства искусства, образования, являются неполитическими аренами, на которых происходит реализация публичной дипломатии [37].

Публичная дипломатия связана со стратегической коммуникацией. Например, реализация публичной дипломатии рассматривается как функция стратегической коммуникации [35]. Допуская аналогию, можно предложить взгляд на реализацию научной дипломатии как функцию научной коммуникации. Как указывает О.В. Выдрин, научная коммуникация проявляется в таких формах, как «общение членов одного коллектива или в рамках “невидимого колледжа”, соавторство, передача информации специалистам из других дисциплин, популяризация, трансляция знаний в инженерно-прикладную сферу для практического использования» [4, с. 113].

Т. Флинк и У. Шрайтерер выделяют три ключевые цели научной дипломатии: доступ к общению с исследователями, результатам исследований, исследовательскому оборудованию, природным ресурсам и капиталу; продвижение достижений страны в области исследования и развития; влияние на общественное мнение в других странах, лиц, принимающих решения, действующих и потенциальных

политических или экономических лидеров [21]. Таким образом, научная дипломатия представляет собой в том числе деятельность по продвижению научных достижений страны и влияние через это на имидж государства на мировой арене, что свидетельствует о рассмотрении научной дипломатии как части публичной дипломатии, то есть инструмента реализации «мягкой силы», ресурсом которой в данном случае является наука.

Ж. Аранда указывает, что операциональное определение научной дипломатии — «последовательное, систематическое использование инициатив в области науки и технологий в рамках <...> внешней <...> политики для достижения целей этой политики, а именно продвижения национального имиджа и интересов, возможностей для знаний, коммуникации и сотрудничества между <...> государствами, индивидуальных контактов и публичной дипломатии» [19, р. 168].

В.Р. Габрильянц трактует научную дипломатию как «стабилизацию международных взаимодействий» [5, с. 413], то есть как то, что может «способствовать началу переговоров на политическом уровне» [5, с. 413], и как «один из инструментов умной силы» [5, с. 413]. Автор упоминает такое явление, как «научные диаспоры» [5, с. 415], поддержка которых осуществляется через дипломатические представительства. В. Турекян, С. Макиндо, Д. Коупленд, Л. Дэвис, Р. Патман и М. Поцца определяют научную дипломатию как «процесс, с помощью которого государства представляют себя и свои интересы на международной арене, когда они касаются области знаний — их приобретения, использования и коммуникации — полученных научным методом» [32].

К. Калтофен и М. Акуто утверждают, что понятием «научная дипломатия» может обозначаться, во-первых, комплекс отношений между двумя или более акторами, поддерживаемых

через практики, научные по цели, процессу или задаче и при этом дипломатические по качеству или эффекту, во-вторых — «просто исследование такого феномена» [26, р. 8], «аналитический инструмент» [26, р. 8]. Авторы подчеркивают, что научная дипломатия в равной степени содержит в себе науку и дипломатию. С точки зрения исследователей, «научная дипломатия опирается на тонкую диалектику» [26, р. 9] и, «несмотря на все прагматические намерения» [26, р. 9] этой практики, необходимо обращение к «ее метатеоретическим основаниям» [26, р. 9].

По утверждению Т. Флинка и Н. Руфина, акторы в сфере науки и технологий и в области международных отношений могут использовать термин «научная дипломатия» для категоризации и фреймирования своей деятельности специфическим образом [33]. Исходя из этого, научная дипломатия — «зонтичный термин, который включает в себя и соединяет разные понимания на пересечении международных отношений и научной политики» [33, р. 104]. Как отмечают авторы, для объяснения возрастающей значимости научной дипломатии часто используется нарратив, связанный с дискурсом о глобальных вызовах: «изменениях климата, пандемиях и глобальном здоровье, устойчивом развитии и биоразнообразии, контроле над вооружениями, продовольственной безопасности» [33, р. 104]. В рамках этого нарратива подчеркивается, что для ответа на эти вызовы требуется «транснациональное сотрудничество между наукой и политикой» [33, р. 104].

П.-Б. Руффини определяет научную дипломатию «как набор практик, в которых наука и технологии пересекаются с международными отношениями и внешней политикой» [31, р. 2]. Если определять научную дипломатию именно таким образом, то представляется некорректным называть ее новым явлением в международных отноше-

ях, поскольку «влияние науки и технологий на международные отношения и участие ученых во внешней политике государств» [31, р. 2] не раз зафиксированы в истории. Автор также отмечает, что концепт научной дипломатии закрепился в лексике международных отношений только в начале XXI в. Следовательно, новизна научной дипломатии, о которой принято говорить в научном, экспертном и политическом дискурсах, заключается в том, что исторически существовавшей практике было дано название, которое начало активно использоваться в литературе. Новизной, таким образом, обладает концепт, но не феномен научной дипломатии.

А.В. Торкунов и В.Я. Панченко видят назначение научной дипломатии, то есть «постоянных международных контактов ученых, <...> рабочего взаимодействия с теми, кто принимает решения и реализует их на международной арене»<sup>1</sup>, в демонстрации научным сообществом результатов исследований, которые могут быть использованы в процессе принятия политических решений. В данном определении акцент сделан на измерении науки в дипломатии. По определению, предложенному С.В. Букаловой, научная дипломатия — «та часть практики современных международных отношений, которую составляют контакты между профессиональными учеными разных стран — при посредничестве дипломатов или же без него» [3, с. 100].

В статье А.А. Горохова, З. Виторовича, Д.В. Макоевой указывается на то, что научная дипломатия представляет собой «современный концепт, но <...> сама практика научной дипломатии начинается с момента институализации системного взаимодействия научных организаций на международном

уровне» [6, с. 6]. То есть суть научной дипломатии заключается в институционально оформленных и системных международных взаимодействиях научных организаций. Ученые способны создать атмосферу доверия и сотрудничества, поскольку могут общаться на одном языке — языке науки и знаний [23].

### **Научная дипломатия сквозь призму парадигм теории международных отношений**

В другой работе К. Калтофен и М. Акуто фокусируют внимание на месте научной дипломатии в теории международных отношений. По мнению авторов, наука и технологии в настоящее время находятся «в сердцевине международных отношений» [25, р. 15]. Что касается конкретных парадигм теории международных отношений, в их рамках научная дипломатия рассматривается предельно фрагментарно [25, р. 16].

С точки зрения реалистской парадигмы, «научное сотрудничество, целенаправленно используемое в рамках двусторонних или многосторонних отношений, является ключевой практикой научной дипломатии, на основе которой стратегически и успешно отстаиваются национальные интересы» [25, р. 16]. В рамках парадигмы реализма категория дипломатии для науки фактически не существует, единственной мотивацией правительств для реализации этой практики выступают стремление удовлетворять национальные интересы и поддерживать международный баланс сил [25, р. 16]. Наука может выступать сферой проявления этой взаимной поддержки по вопросам, требующим усилий глобального или регионального уровня.

Научная дипломатия и связанные с ней феномены могут быть рассмотрены в категориях английской школы международных отношений. Одна из ключевых категорий данного теорети-

---

<sup>1</sup> Торкунов А.В., Панченко В.Я. Ученый как дипломат. Наука влияет на решение международных конфликтов и проблем // Российская газета. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://www.rfbr.ru/rffi/ru/classifieds/o\\_2043916](https://www.rfbr.ru/rffi/ru/classifieds/o_2043916) (дата обращения: 01.05.2023).

ческого течения, которое включается в парадигму реализма, — международное общество. Это «сообщество государств» [11], которое «образуется тогда, когда группа стран, осознавая общность базовых интересов и ценностей, формирует сеть общих правил, норм и институтов» [11, с. 110]. Международное общество функционирует на основе пяти институтов, социальных инструментов: «баланса сил, войны, управления международными отношениями через взаимодействие великих держав, дипломатии и международного права» [11, с. 110]. Таким образом, дипломатия направлена на формирование некоего общества или сообщества.

В случае с научной дипломатией необходимо обратить внимание на феномен международного научного сообщества. Научное сообщество, по Т. Куну, «состоит из людей, признающих парадигму, определяющих модель постановки научных проблем и их решений» [1, с. 96], для него «характерно единое понимание предмета и методов его исследования, научный язык, “дисциплинарная матрица” (символические обобщения, концептуальные схемы, научные ценности, образцы решения проблем)» [1, с. 96]. Научное сообщество — «способ организации научной деятельности, обеспечивающий оптимальное санкционирование <...> научных работников и, как следствие, их максимальную эффективность» [15, с. 66].

Рассматривая международное научное сообщество, ученые отмечают, что, «несмотря на консенсуальное единство каждой из разнообразных специализированных областей научного сообщества <...>, высока также степень неравенства в сообществе в целом и в каждом из его субсообществ» [36, р. 474]. Тем не менее общие правила, нормы и институты присутствуют в международном научном сообществе, следовательно, оно формируется таким же образом, как международное

общество в интерпретации английской школы международных отношений, то есть в том числе дипломатическими средствами.

Поскольку для сторонников либеральной парадигмы основой международных отношений является сотрудничество, можно предположить, что определения научной дипломатии, в которых акцент сделан на построении партнерства, процессе сотрудничества, сформулированы в духе либерального подхода. При этом точку зрения упоминавшегося выше представителя неоллиберализма [29] в теории международных отношений Дж. Ная не представляется возможным отнести к либеральному подходу, когда речь идет о международных научных взаимодействиях. Исследователь рассматривает их как инструмент повышения привлекательности страны, и, как следствие, ее международного влияния. Так, научное сотрудничество выступает для Дж. Ная не целью, а инструментом ее достижения. Ниже приведен ряд определений научной дипломатии, составленных в рамках либерального подхода.

В интерпретации биолога, профессора Университета штата Пенсильвания, члена Национальной академии наук Соединенных Штатов Америки и бывшего советника по науке и технологиям при государственном секретаре США Н.В. Федоровой научная дипломатия — «использование научных коллабораций между государствами для решения общих проблем, стоящих перед человечеством 21 века, и для построения конструктивного международного партнерства» [20, р. 9]. С точки зрения Н.В. Федоровой, «ученый начинает мыслить и действовать на глобальном уровне, чтобы решить сложные проблемы» [20, р. 10], когда «становится не только гражданином своей страны, но и безграничного мира» [20, р. 10], «осознает комплексность и взаимосвязь» [20, р. 10] современных вызовов.

Как подчеркивает П.-Б. Руффини, большинство определений научной дипломатии — нормативные, рассматривающие научную дипломатию как инструмент развития прогресса, влияние которого на международные отношения должно применяться не иначе как с целью смягчения международной напряженности и содействия выработке коллективных подходов к решению глобальных проблем [31]. Соответственно, нормативно сформулированные определения научной дипломатии тоже могут быть отнесены к либеральному подходу. Исследователь отмечает, что в таких и в целом во многих определениях научной дипломатии баланс между наукой и внешней политикой смещен в сторону науки, поскольку многие основополагающие работы по вопросам научной дипломатии написаны именно представителями научного сообщества. В ценностном измерении данного феномена ценность научной коммуникации, по мнению П.-Б. Руффини, перевешивает ценность успешного решения внешнеполитических задач. Д. Коупленд видит значение научной дипломатии в том, что она является «эффективным каналом передачи важнейших человеческих ценностей, таких как научно обоснованное исследование, сотрудничество, открытость и обмен» [17. р. 1].

Э.У. Колглэйзер, возглавлявший Национальную академию наук США и служивший научным советником государственного секретаря, идентифицирует себя как «оптимиста» [16, р. 1] в вопросе научной дипломатии. По его мнению, научная дипломатия на современном этапе может помочь регулировать отношения между Соединенными Штатами и Китаем, продвигать ценности либерального порядка, искоренять трайбализм, решать социальные проблемы, которые находятся вне зоны внимания капитализма, максимизировать пользу и противостоять вызовам технологического развития, решать

глобальные проблемы, включая изменение климата [16].

При этом не стоит забывать, что и в условиях развития различных отраслевых видов дипломатии, сама дипломатия по сути своей остается дипломатией в ее изначальном смысле, то есть деятельностью, направленной на достижение внешнеполитических целей. «Дипломатическое» в научной дипломатии, таким образом, сохраняется. Научная дипломатия «всегда отражает интересы конкретного государства, тем и отличается от международного научного сотрудничества»<sup>1</sup>. В предисловии к труду Г. Никольсона «Дипломатия» приводятся определения дипломатии, сформулированные Оксфордским словарем — «ведение международных отношений посредством переговоров» [13, с. 20] и Э.М. Сатоу — «применение ума и такта к ведению официальных отношений между правительствами независимых государств» [13, с. 38]. Поскольку в современности спектр акторов мирополитических процессов расширился, дипломатия теперь находится не только в рамках официальных отношений между государствами, конструируемых представителями внешнеполитических ведомств и лидерами стран. Наиболее широко дипломатию можно определить как «совокупность внешнеполитических принципов, правительственных и неправительственных институтов и политических инструментов, используемых нацией для реализации своих внешнеполитических интересов» [2, с. 21]. Т. Легранд и Д. Стоун указывают на то, что научная дипломатия реализуется фрагментированным сложным сетевым составом негосударственных и государственных акторов [27], что также близко к общему взгляду сторонников либеральной

<sup>1</sup> Научная дипломатия набирает «мягкую силу» // НИУ ВШЭ — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/203621872.html> (дата обращения: 01.05.2023).

парадигмы на международные отношения.

Существование в теоретических основах научной дипломатии как реалистского, так и либерального подходов говорит об органичной включенности феномена научной дипломатии в предметное поле международно-политической науки, для которой сохранение первого большого спора между реализмом и либерализмом (впоследствии неореализмом и неолиберализмом) является естественным. В контексте научной дипломатии суть этого спора выражается в категориях конфликта и баланса между конкуренцией и сотрудничеством, то есть между наукой как внешнеполитическим ресурсом и, соответственно, научной дипломатией как инструментом внешней политики, и научной дипломатией как инструментом обеспечения постоянной научной коммуникации, выстраивания сетей научных обменов, между «научным суверенитетом» и «научным интернационализмом». В этом состоит «двойная логика» [30, р. 371] научной дипломатии. Вопрос сочетания трансграничности науки и использования научного потенциала государств в их собственных внешнеполитических целях — иллюстрация «амбивалентности научного этоса» [10, с. 36], в котором содержатся и коллективный, и индивидуальный этосы. Задача научной дипломатии — найти баланс между этими двумя гранями в международном масштабе. Сотрудничество и конкуренция являются основными компонентами данной международной практики, и ее задача — в том, чтобы поддерживать состояние баланса между ними.

Конструктивистский взгляд на феномен научной дипломатии может быть сформулирован следующим образом. Этот социальный конструкт, представления о котором сложились в научном сообществе и на международной политической арене в предыдущую декаду XXI в., мог быть более эффективным в практической плоскости, если бы

к использованию концепта «научная дипломатия» исследователи, эксперты и лица, принимающие решения, относились более осторожно и не вменяли данной международной практике слишком много возможностей — например, не позиционировали научную дипломатию как инструмент, способный основательно решить проблемы Глобального Юга [22]. Адекватное реальности дискурсивное позиционирование научной дипломатии будет способствовать ее постепенному развитию и внедрению во внешнюю политику все большего количества государств. Российские исследователи подчеркивают, что сама по себе научная дипломатия «не может разрешить глубоко укоренившиеся международные конфликты, но может помочь сохранить диалог, предоставляя возможности для укрепления связей между людьми и институтами, которые являются основополагающими элементами всех видов сотрудничества» [8, с. 9]. В рамках конструктивизма основную роль в международных процессах играют индивидуальные акторы и транснациональные активистские сети, а основы международной жизни устанавливаются в ходе дискуссий об идеях [19]. В контексте конструирования и поддержания международных научных связей, таким образом, огромное значение имеют эпистемные сообщества — «сети профессионалов с признанной экспертностью и компетентностью в конкретной области» [24, р. 3], а также национальные диаспоры представителей академического сообщества, ученых, исследователей, инженеров, инноваторов, предпринимателей, экспертов в научной политике [19].

Неомарксистская интерпретация феномена научной дипломатии не сформулирована к настоящему моменту, но описать научные взаимодействия в терминах данной парадигмы теории международных отношений представляется возможным. Для этого обратимся к концепции гегемонии А. Грамши

и неограмшистской концепции Р. Кокса. Ключевые категории этих концепций — интеллектуалы, исторический блок, гегемония. Представитель неограмшизма Р. Кокс указывает на то, что интеллектуалы играют ключевую роль в строительстве исторического блока [18]. Конструирование исторического блока является условием реализации гегемонии, то есть «структуры ценностей и взглядов на природу порядка, которая охватывает всю систему государственных и негосударственных образований» [12, с. 62]. Культурная гегемония представляет собой «состояние культурного и идеологического единства между различными социальными группами, достигаемое в результате выработки компромиссных идеологий и прямого воздействия на мышление людей» [14, с. 28]. Гегемония на международном уровне достигается за счет не только принуждения, но и убеждения, не только насилия, но и согласия [7]. Механизм власти, основанный на согласии, в действие приводят интеллектуалы, в том числе представители научных и экспертных сообществ государств [7]. Данный механизм установления власти и влияния по составу участников, во-первых, с публичной дипломатией, во-вторых, — с одним из измерений научной дипломатии, а именно с наукой для дипломатии.

### Заключение

Итак, по результатам рассмотрения различных трактовок концепта научной дипломатии, представленных в зарубежной и российской научной литературе, могут быть выделены два типа подходов к определению научной дипломатии: парадигмальные и внепарадигмальные. К первому типу относятся подходы, трактовки, в рамках которых сформулированы на основе какой-либо из парадигм теории международных отношений, в случае с научной дипломатией это реалистский (неореалистский), либеральный

(неолиберальный), конструктивистский подходы. Также определенным объяснительным потенциалом обладает неомарксистский подход. Подходы второго типа включают в себя, во-первых, определения, в которых научная дипломатия рассматривается как часть публичной дипломатии, во-вторых — интерпретации научной дипломатии как «зонтичного» понятия, под которым имеются в виду все пересечения науки и международных отношений.

Придерживаясь «зонтичного» подхода и учитывая часть рассмотренных параметров, можно определить научную дипломатию как систему взаимодействий, осуществляющихся через разнообразные институты, формы и механизмы на различных уровнях в двустороннем и многостороннем форматах, задачами которой выступают использование научного подхода при выстраивании внешней политики государств, решении региональных и глобальных проблем, установление международных научных связей для развития совместной деятельности мирового научного сообщества, направленной на приращение знаний, и содействие сохранению в кризисные периоды пространства для конструктивного международного диалога.

Таким образом, осуществленный теоретический обзор позволил составить авторскую типологию подходов к определению научной дипломатии, включающую в себя парадигмальные и внепарадигмальные подходы, и сформулировать в рамках одного из выделенных подходов оригинальное определение научной дипломатии. Операционализация понятия научной дипломатии позволила выделить ключевые компоненты модели эмпирического исследования научной дипломатии современных государств: измерения, концептуальные основы, механизмы, институты, формы, форматы, страновые направления, уровни научной дипломатии, реализуемой государством.



## Литература

1. *Артемьева О.А.* Научное сообщество как субъект научной деятельности // Психологический журнал. — 2015. — Т. 36. — № 5. — С. 95–103.
2. *Барышников Д.Н.* Дипломатия в глобальную эпоху: теория и практика // Диалог: политика, право, экономика. — 2017. — № 4. — С. 20–26.
3. *Букалова С.В.* Научная дипломатия: сущность и роль в системе международных отношений // Мировая политика. — 2018. — № 2. — С. 95–103.
4. *Выдрин О.В.* Научная коммуникация: к методологии исследования // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 42. — С. 112–117.
5. *Габрильянц В.Р.* Научная дипломатия как стабилизация международных взаимодействий // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2019. — С. 413–418.
6. *Горохов А.А., Виторович З., Макоева Д.В.* Истоки научной дипломатии: Международная ассоциация академий, Пагуошские и Дартмутские конференции // Русская политология — Russian Political Science. — 2022. — № 1 (22). — С. 5–27.
7. *Дробот Г.А.* Марксизм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — № 6. — С. 61–83.
8. *Заика Ю.В., Рябова Л.А., Сергунин А.А.* Научная дипломатия в Арктике: платформы, практики, новые вызовы. Апатиты: Кольский научный центр Российской академии наук. — 2023. — 192 с.
9. *Знаменский Д.Ю.* Государственная научно-техническая политика Российской Федерации на современном этапе // Власть. — 2015. — № 8. — С. 34–38.
10. *Касавин И.Т.* Амбивалентность научного этоса непреодолима // Высшее образование в России. — 2021. — № 4. — С. 36–48.
11. *Миронов В.В.* «Международный порядок» Хедли Булла и английская школа теории международных отношений // Вестник Омского университета. — 2011. — № 3. — С. 108–114.
12. *Никитченко А.Н.* Транснационализация демократии (Третья волна демократизации в свете теорий международных отношений) // Полис. Политические исследования. — 1996. — № 5. — С. 53–69.
13. *Никольсон Г.* Дипломатия / Пер. с англ. под ред. и с предисловием А.А. Трояновского. — М.: ОГИЗ, 1941. — 153 с.
14. *Слеженков В.В.* Сущность государства и учение о гегемонии в творчестве Антонио Грамши: общие положения // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. — 2020. — № 3. — С. 26–31.
15. *Юдин Г.* Иллюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. — 2010. — Т. 9. — № 3. — С. 57–84.
16. *Colglazier E.W.* Science Diplomacy and Future Worlds // Science & Diplomacy. — 2018. — Vol. 7. — No. 3. — P. 1–20.
17. *Copeland D.* Science Diplomacy: What's It All About? // CEPI-CIPS Policy Brief. — 2011. — P. 1–4.
18. *Cox R.W.* Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method // Millennium. — 1983. — Vol. 12. No. 2. — P. 162–175.
19. *Diplomacy, Organisations and Citizens: A European Communication Perspective.* S.P. Sebastião, S. de Carvalho Spínola (ed.). Springer. — 2022. — 354 p.
20. *Fedoroff N.V.* Science diplomacy in the 21st century // Cell. — 2009. — Vol. 136. — Iss. 1. — P. 9–11.
21. *Flink T., Schreiterer U.* Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: Toward a Typology of National Approaches // Science and Public Policy. — 2010. — Vol. 37. No. 9. — P. 665–677.
22. *Flink T.* Taking the Pulse of Science Diplomacy and Developing Practices of Valuation // Science and Public Policy. — 2022. — Vol. 49. — No. 2. — P. 191–200.
23. *Gorohow A., Vitorowich Z.* Science Diplomacy. Our Knowledge Publishing. — 2020. — 152 p.

24. *Haas P.M.* Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. — 1992. — Vol. 46. — No. 1. — P. 1–35.
25. *Kaltofen C., Acuto M.* Rebalancing the Encounter between Science Diplomacy and International Relations Theory // Global Policy. — 2018. — Vol. 9. — P. 15–22.
26. *Kaltofen C., Acuto M.* Science Diplomacy: Introduction to a Boundary Problem // Global Policy. — 2018. — Vol. 9. — P. 8–14.
27. *Legrand T., Stone D.* Science Diplomacy and Transnational Governance Impact // British Politics. — 2018. — P. 392–408.
28. *Nye J.* Neorealism and Neoliberalism // World Politics. — 1988. — Vol. 40. — No. 2. — P. 235–251.
29. *Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 2008. — Vol. 616. — No. 1. — P. 94–109.
30. *Ruffini P.B.* Collaboration and Competition: The Twofold Logic of Science Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. — 2020. — Vol. 15. — No. 3. — P. 371–382.
31. *Ruffini P.B.* Conceptualizing Science Diplomacy in the Practitioner-Driven Literature: A Critical Review // Humanities and Social Sciences Communications. — 2020. — Vol. 7. — No. 1. — P. 1–9.
32. Science Diplomacy: New Day or False Dawn? Singapore: World Scientific Publishing. — 2015. — 298 pp.
33. *Simon D., Kuhlmann S.* et al. Handbook of Science and Public Policy. Cheltenham: Edward Elgar. — 2011. — 584 pp.
34. *Skodvin T.* Structure and Agent in the Scientific Diplomacy of Climate Change. An Empirical Case Study of Science-Policy Interaction in the Intergovernmental Panel on Climate Change. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. — 2000. — 254 p.
35. *Van Dyke M., Verčič D.* Public Relations, Public Diplomacy, and Strategic Communication: An International Model of Conceptual Convergence // The Global Public Relations Handbook: Theory, Research, and Practice. — 2009. — P. 822–843.
36. *Von Gizycki R.* Centre and Periphery in the International Scientific Community: Germany, France and Great Britain in the 19th century // Minerva. — 1973. — Vol. 11. — No. 4. — P. 474–494.
37. *Yun S.H., Toth E.L.* Future Sociological Public Diplomacy and the Role of Public Relations: Evolution of Public Diplomacy // American Behavioral Scientist. — 2009. — Vol. 53. — No. 4. — P. 493–503.